

Р. Абрамов

Похищение будущего, или “Футурошок” Алвина Тоффлера

Тоффлер А. Футурошок. СПб.: Лань, 1997.

...Каким бы ни был человек во всех прочих отношениях, он, безусловно, был млекопитающим изобретательным.

М. Уэльбек. Возможность острова

Алвин Тоффлер относится к тому типу социальных теоретиков, чьи мечты о “дивном новом мире” опережают скучные результаты социологических исследований. А. Тоффлер в какой-то степени остается *enfant terrible* академической социальной науки, однако многие его идеи, появившиеся как фантазии, довольно скоро становились частью социологического мейнстрима. “Пройдут три десятилетия, оставшиеся до XXI века, и миллионы обычных, психически нормальных людей внезапно столкнутся с будущим. Граждане самых богатых и технически развитых стран обнаружат, что все труднее идти в ногу с непрерывной потребностью перемен, которая характеризует наше время. Для них будущее наступит слишком быстро”, – так начинается свою книгу “Футурошок” лауреат Нобелевской премии по экономике Алвин Тоффлер. Сегодня тоффлеровский труд 70-х годов прошлого века о будущем, которое стало настоящим, приобретает ценность нового прочтения. Конструирование будущего – дело неблагодарное для ученого: коллеги могут обвинить его в занятии беллетристикой, а потомки, приняв позицию умудренных временем кри-

тиков, найдут много наивного в описаниях будущего, предложенных предком.

Для лучшего понимания идей Тоффлера, изложенных в “Футурошоке”, необходимо погрузиться в атмосферу эпохи создания этой книги. Все 60-е и начало 70-х можно назвать отдельной страницей новейшей истории человечества. Эти десять-пятнадцать лет повлекли за собой столько изменений, что все последующие перемены (крушение двухполюсной политической системы мира, информационная революция, СПИД, новый всплеск религиозного фундаментализма, биотехнологии и т. д.) можно считать лишь отсроченной реакцией на события “горячих” 60-х. Это время выработало у человечества защитную реакцию на перемены: мы согласны обновлять техническую начинку своего компьютера каждые полгода и принимаем постмодернистский полистилизм модной одежды. Тогда же население развитых стран впервые испытало “культурный шок”, проявившийся в радикальных изменениях всех сторон общественной и личной жизни как каждого индивида, так и всей социетальной системы. Индустриальное современное общество постепенно уступает место обществу постиндустриальному, обществу “высокого модернити”. В чем же проявляется эта тенденция?

Во-первых, можно назвать сбывшимися тоффлеровские прогнозы относительно перемещения основных капиталов и человеческих ресурсов из сферы промышленного производства

в сферу услуг и информационного обмена. Во-вторых, массовое производство стандартной продукции уступает место производству товаров, ориентированных на узкий сегмент рынка и обладающих уникальными характеристиками: “Обществу будущего будет предложено не ограниченное стандартизированное изобилие продуктов, а величайшее множество нестандартизированных продуктов и услуг, какое оно когда-либо видело” [Тоффлер. 1997.

С. 209] В-третьих, очевидна глобализация экономики, да и всей жизни; впрочем, последнее заявление скорее относится к миру экономически развитых стран, которые по-прежнему определяют политический и экономический мировой климат. В-четвертых, знания и наличие информации стали теми символическими капиталами, которые определяют место каждого общества в мировой системе. США и Западная Европа, возможно, перешагнули рубеж, за которым главным фактором экономического процветания становятся не материальное производство и даже не рынок услуг, а рынки информации. Именно поэтому в калифорнийской Силиконовой долине отчасти формируется общество будущего, и его самым главным ресурсом становятся гигабайты информации.

Вопрос, стал ли новый класс технических специалистов, экспертов и консультантов (“символических аналитиков”, в терминологии Р. Райха) определять жизнь постиндустриального общества, остается открытым. Конечно, консалтинговый бизнес значительно увеличился в объемах за последние годы, как возросла и роль непрерывного образования, но это не еще стало ключевым элементом общественного состояния. В то же время технократы, которым Дж. Гелбрейт и другие пророчили место новой элиты общества, в целом не оправдали надежд. Возможно, это произошло по причине неудач технократических методов управления в 70-е, когда мир пережил несколько глобальных кризисов – энерги-

ческий, экономический, – проявившихся в растущей нестабильности мировых финансовых рынков и дискредитации кейнсианской модели управления экономикой, которая была одним из краеугольных камней технократической идеологии. Состояние неопределенности и масштабных геополитических бифуркаций доминируют на

фоне утраты обществом своего идеального типа. Однако жизнь продолжается – многомерное, многовекторное социальное пространство неосознанно создается человечеством-2000.

Читая “Футурошок” Тоффлера, почему-то вспоминаешь романы братьев Стругацких, в которых с помощью средств научной фантастики рисуется облик будущего человечества. По-видимому, 70-е располагали футурологов и фантастов смотреть на социальность будущего с по-

хожих позиций. И хотя Тоффлер и Стругацкие вряд ли читали произведения друг друга, однако параллели между “Футурошоком” и циклом романов “Обитаемый остров”, “Жук в муравейнике”, “Волны гасят ветер”, “Хищные вещи века” очевидны. Вот несколько примеров.

Один из проектов Тоффлера касается введения системы “профессиональных родителей”, которые возьмут на себя функцию воспитания детей. “Наличие и изобилие специально подготовленных и дипломированных профессиональных родителей не только позволило бы многим сегодняшним биологическим родителям охотно передать им своих детей, но и рассматривать это как проявление любви, а не наоборот” [Тоффлер. 1997. С. 192]. Стругацкие, как, впрочем, и многие другие фантасты, реализовали эту идею в своих книгах (знаменитый институт Учителей), показав не только ее захватывающие преимущества, но и все проблемы, с ней связанные. Учителя Стругацких, обычно одинокие, грустные люди, живут весточками от своих воспитанников, и сами воспитанники часто остаются обиженными на своих Учителей по разным причинам (доста-

Совершенствование техники влияет как на техническое, так и на социальное окружение человека. Новые изобретения часто выступают источником для новых социальных, философских и интеллектуальных решений. Технологические инновации резко изменяют образ жизни и картины мира у людей
А. Тоффлер

точно вспомнить героя “Жука в муравейнике” – неудачника прогрессора). Говоря о модернизированной семье, Тоффлер полагает, что семьи приобретут “ядерный” характер, “то есть останутся бездетными, сократив семью до ее начальных компонентов, – мужчины и женщины”. Сегодня, давая определение семье, можно назвать семьей домохозяйство, состоящее из одного и более членов. То есть для существования семьи в супериндустриальном обществе достаточно, чтобы в нее входил один человек. В футурологическом романе “Возможность острова” французский писатель Мишель Уэльбек предупреждает: “Теперь же молодые, образованные, достигшие высокого социально-экономического статуса люди впервые публично заявляли, что не хотят иметь детей, не хотят выполнять хлопотные обязанности, связанные с воспитанием потомства” [Уэльбек. С. 69.] Тенденции подобного движения прослеживаются в странах Западной Европы и Северной Америки.

Наиболее головокружительные проекты будущего Тоффлер описывает в главе, посвященной “стратегии социального футуризма”. Он рассуждает о возникновении и развитии новых избирательных технологий, которые “обеспечат нас систематическими способами сбора результатов коллективного голосования по вопросам о предпочитаемом будущем” [Тоффлер. 1997. С. 396]. Он предлагает привлечь к работе над проектированием будущего интеллектуалов самого широко профиля: от политиков и физиков до футурологов и писателей-фантастов. Тоффлер приветствует создание “центров по изуче-

нию будущего”: таковы Институт будущего, Комиссия 2000 года, Европа-2000, человечество-2000 и т. д.

Все это напоминает работу Мирового Совета Стругацких, где воплотилась утопичная платоновская идея о власти философов, вершащих судьбы мира. В Мировом Совете философов сменили ученые-интеллектуалы, в чьих руках сосредоточилась власть над будущим: решая, какие научные исследования запретить, какие продолжить, о каких открытиях сообщить человечеству, о каких умолчать, они определяют лик будущего, который в постиндустриальном обществе зависит от развития технологии, детерминированной, в свою очередь, направлением фундаментальных научных исследований. Появление “запрещенной науки” порождает научный тоталитаризм, когда нормальное течение исследований прерывается и ограничивается требованиями безопасности и этики. В обществе будущего, по Стругацким и Тоффлеру, с одной стороны, всеобщее распространение получат социальные и гражданские свободы, но с другой – наступят тоскливые времена для ученых, которые в своих исследованиях должны будут оглядываться на Палату по науке при Конгрессе либо на “Комкон-2”. А вот недавний пример: попытки запрещения научных исследований имели место в связи с открытием возможности клонирования живых существ, в том числе человека. Но несмотря на всякого рода ограничения, исследования в этом направлении продолжают и будут продолжаться, так как, во-первых, всегда найдутся те, кто будет их

финансировать, и во-вторых, всегда найдутся любопытные, желающие посмотреть: а что там, за поворотом?

Тоффлер показывает, что в постиндустриальном обществе существенно повысится географическая мобильность людей. “Эти поездки людей туда и обратно по земле и над землей являются одной из характерных черт постиндустриального общества. Напротив, доиндустриальные страны кажутся замороженными и застывшими, их население приковано к одному месту” [Тоффлер. 1997. С. 58]. По мнению Тоффлера, перемещения приобретут массовый характер и затронут самые широкие слои общества, а не только тех, кто вследствие специфики профессии постоянно переезжает (военные, ученые и преподаватели, некоторые категории менеджеров и т. п.). Конечно, для поощрения географической мобильности необходимо иметь определенные условия – то есть открытые границы, развитый рынок жилья, стабильный доход, политическое спокойствие. Западная Европа с начала 90-х годов на всех парах движется к созданию единого экономико-геополитического пространства. Это и реализация Шенгенского соглашения, и введение единой валюты, и устранение противоречий в законодательствах европейских стран.

Перечисленные меры, безусловно, стимулируют географическую мобильность у западноевропейцев, но, принося с собой много позитивного, такая мобильность влечет за собой и определенные проблемы – например, глобализацию рынка труда, то есть его перенасыщение в местах экономического роста и нехватку работников в других частях Европы. Это становится реальностью: “младоевропейцы” (Польша, Эстония, Латвия, Литва, Чехия) уже начинают испытывать трудности, обусловленные оттоком молодой, квалифицированной рабочей силы. Также управление глобальными европейскими процессами требует расширения бюрократии, а ошибочное решение в политике или экономике повлечет за собой значительно более существенные негативные последствия. В постсоветском пространстве процесс носит почти обратный характер: неравномерное экономическое развитие, формирование непрозрачных границ, политическая нестабиль-

ность ведут к сокращению географической мобильности.

Тоффлер концентрирует свое внимание на социальных последствиях мобильности как для общества, так и для отдельного индивида. А последствия эти таковы.

- Отношения между человеком и местом стали “более многочисленными, хрупкими и кратковременными”. “Мы стали свидетелями исторического процесса разрушения значения места в человеческой жизни. Мы воспитываем новую расу кочевников, и мало кто может предположить размеры, значимость и масштабы их миграции” [Тоффлер. 1997. С. 57].
- Продолжительность отношений между людьми сокращается при количественном их увеличении. “Чем больше мобильность человека, тем большее количество коротких личных встреч, человеческих контактов, каждый из которых – это фрагментарная и к тому же сжатая во времени связь какого-либо типа” [Тоффлер. 1997. С. 77].
- Формирование относительно закрытых этнических community внутри больших социальных общностей. Так складывались китайские и итальянские кварталы в городах США, так сформировалась турецкая диаспора в Германии, так образовались арабские кварталы в пригородах Парижа.
- Возникает провал между мобильными и неподвижными государствами. Мобильные обладают разветвленной сетью транспортных коммуникаций, а неподвижные страдают от недостатка дорог. К первым относятся прежде всего США и Европа, ко вторым – Южная Америка, Африка.
- Привязанность к дому сменяется привычкой к переездам. “Любое перемещение разрушает сеть старых связей и создает новые... Человек переезжает в такой спешке, что нигде не может пустить корни” [Тоффлер. 1997. С. 68].
- Развивая тему человеческих отношений, можно сказать, что при переездах “люди имеют склонность бросать хороших друзей и знакомых, которые в конечном счете забываются” [Тоффлер. 1997. С. 80].

Тоффлер полагает, что деловые организации и правительственные учреждения будут привлекать в качестве консультантов футурологов и писателей-фантастов. Почему это ему кажется столь

очевидным? “Сегодня, как никогда раньше, мы нуждаемся в большом количестве видений, мечтаний и пророчеств – представлений о потенциальном завтрашнем дне. Предположение, умозрительность становятся такой же холодной практической необходимостью, как «приземленный реализм» в более ранние времена. Вот почему некоторые из крупнейших в мире корпораций сегодня нанимают в качестве консультантов футурологов, писателей-фантастов

и визионеров. Компании обращаются к этим своим «свободным птицам» не за научными прогнозами вероятностей, а для расширяющего сознание умозрительного рассуждения о возможностях” [Тоффлер. 1997. С. 379–380]. Тоффлер и сам воплощал эту идею на практике, в частности, оказывая услуги консультанта такой гигантской корпорации, как A&T. Результаты предпринятых консультаций отражены в тоффлеровской работе “Адаптивная корпорация”. Полностью взгляды Тоффлера на изменения в организациях можно проследить, интегрировав его главу из “Футурошока” “Управление: приход спецнокрации” и работу “Адаптивная корпорация”.

Итак, центральный тезис Тоффлера звучит следующим образом: “Мы являемся свидетелями краха бюрократии, а отнюдь не ее триумфа. Мы фактически присутствуем при наступлении новой организационной системы, которая в конечном счете вытеснит бюрократию. Это управление в будущем я назвал «спецнокрация»” [Тоффлер. 1997. С. 94] “Спецнокрация” для организации означает смену иерархической пирамидальной структуры управления организацией на “структуру холдингового типа, координирующую работу

множества временных рабочих групп, возникающих и прекращающих свою деятельность в соответствии с темпом перемен в окружающей организации среде” [Тоффлер. 1999. С. 453]. Идея создания временных рабочих групп одно время была популярна среди специалистов по менеджменту, однако не стала откровением, способным радикально трансформировать сложившиеся управленческие структуры. Компьютеризация и автоматизация управления, по мнению

Тоффлера, также станет тем фактором, который сыграет не последнюю роль в деле разрушения классической бюрократии. Бюрократия ориентирована на принятие рутинных решений по рутинным вопросам. Мир постоянных перемен создает неординарные проблемы, требующие неординарных решений, поэтому в этих условиях бюрократия становится бессильной. Рутину, как полагает Тоффлер, возьмут на себя компьютеры. Что

уже произошло сегодня, когда компьютеры и киберсети стали неотъемлемой частью интерьера любого офиса?

Очевидно, существенно упрощая документооборот и расширяя возможности информационного обмена, современные электронные “друзья человека” играют на руку бюрократии. Почему?

Во-первых, *Документ* благодаря ускоренному развитию множительной техники стал приобретать еще более символическое значение, заняв положение валового результата офисного производства. Компьютеризация, однако, принесла с собой не сокращение документооборота на бумажных носителях (что ожидалось), а его увеличение, поскольку вместе с бумажным документо-

В ускоряющемся мире сокращается время ответа на каждый раздражитель, а их суммарное число резко увеличивается. Мир усложняется, а человеческая психика испытывает все большие нагрузки. Она не успевает привыкнуть к одному изменению, как требуется привыкание к другому. Одновременно с усложнением структуры жизни увеличивается количество отведенных нам ролей и число необходимых выборов, что, в свою очередь, влечет за собой потерю ощущения сложности современного мира. Человек теряется перед этой сложностью. Чем больше событий мелькает перед глазами, тем меньше времени отводится на пристальное и спокойное наблюдение за каждым из них. Отсюда потеря ясности изображения

А. Тоффлер

оборотом набирает силу электронный, носящий более изощренный характер. Теперь вместо одного-двух машинописных экземпляров можно за несколько минут получить сотню или две прекрасно оформленных бюрократических продуктов. И все это можно разместить по архивам, папкам и раздать по отделам. При этом, конечно, обязательно все сохранить в электронном варианте. Не есть ли это рай для бюрократии, работа которой основана на создании и поддержании документооборота?

Во-вторых, контроль всегда считался одной из центральных функций бюрократии и управления. Теперь можно осуществлять тотальный контроль за каждым служащим и гражданином вообще, благодаря распространению все тех же электронных сетей и гаджетов. Налоговые органы, пенсионные фонды, муниципалитеты присваивают каждому гражданину идентификационный код и создают для каждого собственную ячейку в глобальных базах данных, где отражаются любые изменения в доходах, статусе, месте проживания, семейном положении. Если человек не занесен в базу данных, он перестает существовать для государства, для медицинских учреждений, для бюрократии и возможно – выпадает из реальности, подобно Ясону Тавернеру, главному герою романа Филиппа Дика “Лейтесь, слезы”. В рамках отдельной бизнес-организации практика тотального контроля также приобретает рутинный характер: менеджер может наблюдать за своими подчиненными с помощью видеокамер, электронная система контролирует, на сколько времени сотрудники покидают рабочие места, компьютерные программы позволяют отслеживать то, что в любой момент времени высвечивается на экране компьютера каждого сотрудника, – веберовская бюрократия могла лишь мечтать о таких возможностях для надзора. Эпоха “винтиков большой машины” ушла, к разочарованию многих.

В-третьих, практика показала, что полностью рутинных решений в реальной управленческой деятельности не существует, а значит, машина не может принять “правильного” решения – последнее слово всегда остается за человеком. Только он может учесть самый непредсказуемый фактор – человеческий.

Пожалуй, концепция виртуального офиса, когда сотрудник вообще остается дома и получает задание по компьютерной сети, выполняет его, отправляет по сети и в банке получает вознаграждение на кредитную карточку, может внушить некоторый оптимизм противникам бюрократии. Виртуальный офис не подразумевает нахождения сотрудника на каком-то строго определенном рабочем месте в строго определенное время, тем самым подрывается пространственно-материальная основа бюрократии – контора. Но пока виртуальный офис нашел ограниченное применение, и будет ли он достаточно эффективным – покажет время. Итогом может служить вывод, что распространение компьютеризации играет на руку бюрократии, которая меняется, но становится сегодня более бессмертной, чем вчера.

В понимании Тоффлера, усиление профессионализации позволяет говорить о размывании основ бюрократии внутри организации. “Специалист привязан к своей профессии, а не к организации, в которой он существует. Рост профессионализма означает, что современные крупномасштабные формирования заполнены людьми, имеющими совсем новое представление о том, что такое организация” [Тоффлер. 1997. С. 111]. Тенденция профессионального корпоративизма сопровождается противоположной тенденцией – когда профессиональные привязанности становятся кратковременными. Как же эти тенденции проявляются сегодня? Можно говорить об укреплении специализации, когда, например, психологи из отдела человеческих ресурсов и программисты представляют совсем разные полюса внутри организации. Так же юристы, инженеры, а теперь и менеджеры. Каждая профессиональная группа закрепляет автономию своих знаний, и поэтому, когда создаются временные рабочие команды по реализации проекта, ценность каждого специалиста возрастает благодаря тому, что он имеет специфические знания. Интеграция разнородных знаний находится в руках менеджеров, которые служат олицетворением бюрократии в современном понимании.

В своих сентенциях по поводу будущего организации или географической мобильности Тоффлер еще увязывает свои идеи с академиче-

ски фундаментальными тенденциями. Когда же он начинает рассуждать о новшествах в науке и технике, то снова обнаруживаются параллели со Стругацкими или с другими писателями-фантастами. Например, он пишет о так называемой аквакультуре, когда океан, благодаря своим огромным площадям и богатствам, займет доминирующее положение в образе жизни людей. “Образы подводных форм найдут свое отражение как в изобразительных, так и в промышленных проектах. Океан будет диктовать свои моды. Позднее человек начнет заселять континентальные отмели, а возможно, доберется и до глубин; может, появятся пионеры-поселенцы, которые построят искусственные города под водой – рабочие, научные, медицинские, игровые города, укомплектованные больницами, отелями и жилыми домами” [Тоффлер. 1997. С. 146]. При этом первая волна наступления аквакультуры, по Тоффлеру, произойдет “задолго до 2000 г. н. э.” [Тоффлер. 1997. С. 147]. Однако сегодня особых признаков возникновения глобальной аквакультуры не наблюдается, кроме отдельных примеров создания искусственных островов в Дубае и на ряде других престижных курортов. Оптимизм Тоффлера здесь перерос в научно-популярную фантастику. Также и с предсказываемой им возможностью контроля за погодой – ничего или почти ничего в этом направлении сегодня не сделано: скорее наоборот, морские катаклизмы в Юго-Восточной Азии и Новом Орлеане продемонстрировали ничтожность метеорологических усилий человечества.

Может быть, оправдались некоторые ожидания Тоффлера относительно микробиологии: все же клонирование – достижение этой дисциплины, но радикальных перемен, которые непосредственно сказались бы на жизни большинства людей, с начала 70-х не произошло. Не самая оригинальная фантастика вспоминается, когда читаешь

рассуждения Тоффлера о людях-киборгах, биопроектировании тела и т. п. Видимо, он не был достаточно компетентен в вопросах развития некоторых естественных наук того времени, а потому его прогнозы в этой области сегодня кажутся наивными и беспочвенными.

Наиболее релевантными с точки зрения социологии представляются такие главы из книги “Футурошок”, как “Избыток субкультур”, “Разнообразие жизненных стилей” и разделы “Границы приспособляемости”, “Стратегии выживания”.

Многообразие субкультур, по мнению Тоффлера, в позднем современном обществе порождается следующими источниками.

- Возраст становится одним из доминирующих условий формирования субкультур. Тинейджеры – пестрая социальная группа, ставшая объектом маркетинговых усилий музыкального, электронного и fashion бизнеса. Тинейджеры и молодежь производят актуальные культурные смыслы и потребляют модные товары в громадных количествах. Шестидесятые и семидесятые принесли с собой тенденцию формирования массовых молодежных субкультур, которые по сию пору остаются увлекательным предметом исследования социологов.
- Много субкультур появляется среди представителей разных профессий. “Ученые какой-либо специальности стремятся к отличительным особенностям, присущим их классу, объединяясь в компактные маленькие субкультурные ячейки, над престижем и благоприятным мнением которых они работают так же, как над такими вещами, как одежда, политические убеждения и стиль жизни” [Тоффлер. 1997. С. 228]. Процесс разделения на ячейки заметен и в других сферах (бизнес, финансы, пресса). Семидесятые стали переломным десятилетием, когда в американском

и западноевропейском крупном бизнесе стал разрушаться образ преуспевающего банковского или биржевого служащего, характеристики которого укладываются в аббревиатуру WASP.

- Субкультуры формируются на основе общих интересов по хобби и времени проведения досуга. Известны клубы серфингистов, дайверов, каякеров, парашютистов, альпинистов, любителей олдтаймеров, и проч., и проч.

Тоффлер полагает, что дробление общества на множество субкультур дает человеку свободу выбора образа и стиля жизни. При этом субкультуры станут основным признаком стилообразования в супериндустриальном обществе. В своем анализе стилей жизни Тоффлер развивает тезис о “фрагментации общества, несущей с собой диверсификацию ценностей”. Распад социальной реальности на фрагменты, сопровождающийся отказом от общих социетальных ценностей, – концепция, которая приобрела популярность у идеологов постмодерна. Человек супериндустриального общества начинает напоминать фланера, перемещающегося от одной субкультуры к другой, от одного жизненного стиля к другому. Тоффлер пишет: “Внезапная популярность лозунга «создай свой стиль» является отражением этого исторического движения. Ибо чем более фрагментарно или дифференцировано общество, тем больше число разнообразных жизненных стилей. И чем более социально приемлемые модели жизненных стилей выдвигаются обществом, тем ближе оно к состоянию, когда каждый член общества создает уникальный и только ему присущий жизненный стиль” [Тоффлер. 1997. С. 257]. Не есть ли это одна из характеристик рефлексивной биографии постсовременного общества?

В числе прочих гипотез, предположений, утверждений значительное место у Тоффлера занимает влияние шока будущего на человека и общество. Не вдаваясь в подробности приводимых им примеров, остановимся на главной идее, демонстрацией которой и служит представленный эмпирический материал: “Тезисом этой книги служит утверждение, что существует некий лимит изменений, который может вынести человеческий организм. При бесконечном

увеличении изменений без соблюдения границ мы можем начать требовать от масс того, чего они не смогут вынести. Мы находимся под угрозой поставить их в такое положение, которое я называю шоком будущего. Мы можем определять шок будущего как стрессовую ситуацию, одновременно физическую и психологическую, которая возникает из-за перегрузки человеческого организма, его физической адаптивной системы и тех механизмов, которые ответственны за принятие решений... Фукурошок является реакцией человеческого организма на перестимуляцию” [Тоффлер. 1997. С. 263]. 11 сентября 2001 года стало настоящим шоком будущего, воспринятым, правда, большинством в формате телевизионной картинке голливудского блокбастера: даже трагедии наступившего будущего являются лишь одной из мизансцен “общества спектакля”.

Литература

- Тоффлер А. Фукурошок. СПб.: Лань, 1997.
 Тоффлер А. Адаптивная корпорация // Новая индустриальная волна на Западе. Антология. М.: АСАСЕ-МИА, 1999.
 Уэльбек М. Возможность острова / Пер. с фр. И. Стаф. М.: Иностранка, 2006.